

ВОРОНЬЕ

Рассказ

*Посвящается семье моей мамы
Марии Леонтьевны Шишкиной (в девичестве – Ниловой)*

Лида работала табельщицей в отделе кадров заводоуправления на руднике, который расположился в маленьком горняцком городке Кушва на Урале. Гороблагодатский рудник уже двести лет как исправно давал железную руду, и вся жизнь шахтерского поселения с самого начала его основания сосредоточилась вокруг природных богатств горы, обрастая постепенно артелями, заводами и производствами.

Открыл месторождение когда-то давно, еще при царице Анне Иоанновне, местный охотник, вогул Степан Чумпин. Показал несколько кусков руды одному русскому горному чиновнику, а оказалось, что преподнес на блюдечке с золотой каемочкой крупнейшие железорудные залежи, целую гору магнитного железняка, которую потом в честь императрицы и назвали Благодать, ведь значение имени Анна еще с библейских времен именно так и трактуется - благодать. Получил за это Чумпин причитающуюся ему награду, большие по тем временам деньги, 24 рубля 70 копеек. Да вот незадача! - через несколько лет был сожжен соплеменниками на вершине этой самой горы, так как выдал казенным людям ее тайну. Ибо заветы предков гласили, что тайны выдавать нельзя, нельзя предавать, понесешь за это неминуемую кару!

Места вокруг Кушвы глухие, веками хранящие свои легенды и сказания, тревожащие воображение страшными и необъяснимыми историями из прошлого. Древние, растрескавшиеся, словно заколдованные временем валы Уральского хребта, обтесанные палящим солнцем, сильными ветрами, затяжными дождями и глубокими снегами. Безбрежное таежное лесное море; огромные, плотно стоящие друг к другу мрачные ели, непроходимые чащобы, буреломы, как будто возведенные сказочными великанами, бескрайние гиблые Пойменные болота. Само название Кушва в переводе с местных наречий означает «гнилая вода», так названа была небольшая речка, протекающая у вогульской горы. Глядя на ее стоялые, на вид почти мертвые, темные воды, иногда казалось, что время здесь остановилось, и вся эта суэта вокруг рудника – явление временное, ненастоящее, а на самом деле жизнь тут протекает по каким-то своим первобытным правилам и законам, в своем собственном ритме.

Но Лида об истории и тайнах Кушвы не задумывалась. Было ей около тридцати, невысокая, плотно сбитая, круглая, румяная, с темно-русыми

прямыми волосами, обстриженными в каре, небольшими серо-голубыми глазками, с веснушками и вздернутым любопытным носиком. Выглядела она моложе своих лет. Любила пошутить и посмеяться, потанцевать, пококетничать. И больше всего в жизни хотелось ей выйти замуж. Но той женщиной, которая задевает мужчин в самое сердце, никогда она не была. Казалось, отсутствовали в ней истинная женская энергия и тепло, которые не забываются даже спустя много лет. А, наоборот, чувствовались в ней, с одной стороны, неуверенность, а, с другой, готовность броситься в объятия любого, лишь бы обратил на нее внимание, и это заставляло заинтересовавшихся ею мужчин расставаться с ней через несколько месяцев после знакомства. Не цепляла она их; хоть и плохих воспоминаний по себе не оставляла, но и в душу не западала. Может, вызвано это было тем, что воспитывалась Лида в детском доме, ибо являлась круглой сиротой, родства своего не знала, умения жить семьей у нее не было. И выглядело со стороны так, что непродолжительные встречи и расставания с мужской частью населения Лида воспринимает как само собой разумеющееся и на судьбу за это не ропщет.

В школе проявила себя Лида усердным середнячком. Положительные оценки иногда зарабатывала показным старанием, примерным поведением и помощью учителям. После учебы, как и все, пошла работать на местный заводик, поселилась в общежитии, поступила в вечернюю школу. А когда приняли ее в комсомол, стала с удовольствием нести общественные нагрузки. Была она внимательна и наблюдательна, немногословна, довольно сообразительна, память имела неплохую. И однажды эти качества сыграли с ней недобрую шутку.

Шел 1939 год. Лиду посетила первая настоящая любовь. Понравился ей работавший на ее заводе передовик производства и красавец-парень Ваня Кузнецов. Только не обращал он на Лиду ровно никакого внимания, так как ухаживал за девушкой Варей, с недавнего времени трудившейся в заводской библиотеке, и отвечавшей ему взаимностью. И вот однажды Лида полунечаянно подслушала разговор Варвары и Ивана.

Варя плакала и рассказывала Ивану про своих родителей, свердловских врачей, старых большевиков, арестованных в прошлом году по какому-то непонятному ложному обвинению и вдруг оказавшихся врагами народа. Варя была в это время на учебной сессии в другом городе, а когда вернулась домой (через два дня после ареста родителей), то нашла только опечатанную квартиру. Как была, с чемоданом в руках и со смертельным страхом в горле, поехала на окраину Свердловска в дом к одиноко проживавшему родному дядьке отца, Ивану Кондратьевичу, подорвавшему здоровье в борьбе за светлое будущее еще на царской каторге. Тот ее выслушал, обещал все выяснить, оставил ее у себя дома и запретил куда-либо выходить. Весь следующий день он отсутствовал, а вечером пришел, уставший и с опустошенным лицом, рассказал, что ему удалось узнать. Родителей Вари

обвинили в антисоветском заговоре, вредительстве и пособничестве контрреволюционным силам. Кто-то из соседей по дому написал донос. (У Вари перед глазами сразу всплыл почему-то образ соседки тети Нюры, работавшей уборщицей в школе и часто ругавшейся с родителями по любому поводу, обвиняя их в буржуйстве, что живут они, мол, в отдельной квартире в то время, как истинные трудящиеся теснятся в крохотной комнатухе в коммуналке). По словам Ивана Кондратьевича, должны были арестовать и Варю, но она на тот момент была в отъезде. Поэтому арест ее – дело времени, ведь, по логике следствия, она взрослая и несомненно является пособницей врагов народа. Проговорили Варя с дядей всю ночь. Потом он вручил ей документы на свою фамилию, которые добыл, воспользовавшись своими старыми связями, и письмо к старому другу – начальнику цеха на заводе в Нижнем Тагиле, просил уехать к нему и переждать там какое-то время, а как только будут известия, он обязательно приедет к Вале и обо всем расскажет. Варя была девушкой умной, многое и так понимала, вопросов лишних не задавала. Ивана Кондратьевича поблагодарила и уехала. Друг его нижнетагильский радости большой не проявил, но помог Вале устроиться на заводе и снять угол. Так она и прожила больше года. Но накануне приехал Иван Кондратьевич, рассказал, что родителей ее сослали без права переписки, а квартиру заселили семьей какого-то важного партийного работника. Саму Варю хотели сначала объявить в розыск, но дело ее родителей оказалось настолько образцово-показательным, что решили его полностью закрыть и торжественно отрапортовать об этом по инстанциям, а про Варю просто «забыть». Все это Варя с всхлипами и слезами шепотом рассказывала Ивану, а он обнимал ее, гладил по голове и успокаивал, как мог.

Когда Лида услышала историю Вари, то страшно взволновалась, потому что не знала, что ей делать. С одной стороны, жизнь в детском доме научила ее правилу – чужие тайны не выдавать. С другой стороны, кто ж тут свой – Варя, Иван или родная советская страна? Варю она, пожалуй, своей не считала, работала та в библиотеке, значит, белоручка и интеллигентка, да еще и дочерью врагов народа оказалась. Ваня, конечно же, был свой, пролетарий, передовик, комсомолец, но в силу своей доброты и неразборчивости попавший в сети к ненадежному вражескому элементу женского пола – Варваре. А кто знает, может, эта Варвара будет его склонять к диверсионной деятельности на заводе? И если она, Лида, промолчит о том, что узнала, то может случиться что-то страшное. Например, подрыв! А коли же Лида расскажет историю Вари кому надо, то спасет завод и станет сама немножко героем, и тогда Ваня Кузнецов оценит это и обратит на нее внимание. Короче, сочинила Лида сама себе историю, в которую свято поверила. Колебалась она недолго, хотя и чувствовала, что делает что-то неправильно, однако, через пару дней поведала все, что услышала, до мельчайших подробностей заместителю секретаря заводской комсомольской

ячейки. После этого Варвара пропала. Но более ничего не происходило. Начальник цеха остался на своем месте. Через какое-то время в библиотеку взяли новую работницу. Ваня ходил мрачнее тучи, места себе не находил, даже трудовые показатели снизились. К Лиде никто не обращался, никто с ней о том, что она подслушала и о чем донесла, не заговаривал. Лида из осторожности тоже вела себя так, как будто ничего не происходило. Пока однажды темным холодным вечером она нечаянно (а, может быть, и не нечаянно) не столкнулась с Ваней в пустом переулке по дороге с завода в общежитие.

Ваня возник словно из ниоткуда. Быстро подошел к Лиде, навис над ней всем своим огромным мощным телом и заставил ее под натиском почти физически ощущаемой ненависти прижаться к обшарпанной стене заколоченного дома. Он смотрел с высоты своего роста прямо в ее задрванное лицо, не различая его черт, видя только эти маленькие почти бесцветные испуганные глазки. Он несколько раз порывался что-то сказать Лиде, но слова застревали в его горле, перехватывало дыхание. Иван сжимал кулаки, заносил их над головой Лиды, потом обессиленно опускал. Так продолжалось несколько долгих бесконечных минут. Лида не шевелилась, не произносила ни звука, почти не дышала, она ощущала себя мышью, которую в любой момент могут раздавить, и от нее останется только мокрое пятнышко. Потом Ваня как-то обмяк, по его лицу из глаз побежали слезы, а атеистке и комсомолке Лиде показалось вдруг, что перед ней стоит какой-то скорбящий мученик, словно сошедший с иконы. Ваня резко повернулся и быстрым шагом удалился из переулка. Лида постояла еще немного, а затем на ватных ногах побрела домой.

Об этой странной встрече с Ваней она никому ничего не рассказала, и, хотя была убеждена, что сделала всё правильно, что интересы страны выше человеческих взаимоотношений, осадок от содеянного ею самой у нее остался. Она молчала и мучилась, так как действительно чувствовала себя маленькой серой мышкой, от которой в жизни ничего не зависело, и она не знала, чего и откуда ей ждать в будущем. А через неделю Лиду вызвали в заводской комитет комсомола и объявили, что направляют ее как опытную работницу и проверенную комсомолку в недавно открывшиеся паровозные мастерские в город Кушва. Вроде, как и ответственное назначение, признание ее нужности и мастерства, а, с другой стороны, вроде, как пинка дали, с глаз долой отправили, в маленький по сравнению с Нижним Тагилом городишко. Так Лида здесь и оказалась. Жила как все, тихо, скромно, работала хорошо, несла общественную нагрузку.

Весной, перед самой войной Лида неожиданно вышла замуж. Приехал к ним в мастерские невысокий улыбчивый паренек, как и Лида, сирота. И очень ему понравилась кругленькая веселая девушка. Ухаживал он недолго, позвал Лиду замуж, и она с радостью согласилась, хоть и не испытывала к своему избраннику таких же сильных чувств, как в Ивану. Сыграли свадьбу,

но счастьем семейным молодые наслаждались всего несколько месяцев. Началась война, и к осени 1941 года новобрачного призвали в армию, а через два месяца пришла повестка о его гибели. Так Лида стала вдовой.

Войну она пережила в общем-то неплохо. Трудно было, как и всем, но жить можно. Даже ушла на повышение из мастерских паровозных в заводоуправление. Закрутился там у нее недолгий роман с пожилым уже старшим бухгалтером, некрасивым, но добрым и охочим до баб. Он помог ей из общежития переехать в свое жилье, расположенную в большом деревянном двухэтажном доме коммунальную квартиру, в которой раньше жила семья шахтеров – мать, отец и три сына; два старших сгинули на войне, а мужа со младшим завалило в забое; осталась одна старуха-мать, незачем ей теперь две комнаты, которые они раньше занимали, и одной хватит. Лиде досталась комнатка на втором этаже с окном и видом на улицу у самого входа в коммуналку. Перепала ей и кое-какая мебель, перина, одеяло, подушки и даже немного посуды. Шахтерская вдова и мать равнодушно пустила Лиду в свою бывшую комнату и поделилась с ней, чем просил бухгалтер. Захаживать к Лиде было удобно, всегда из окошка видать, кто по улице идет, и можно незаметно от соседей приоткрыть входную дверь и принять гостя. Чем и пользовался поначалу частенько бухгалтер, страшно боявшийся своей жены. А когда их роман мирно исчерпал себя, приходили к Лиде в гости и другие ее нечастые кавалеры. Так, через постель, пыталась Лида снова выйти замуж, чтобы на законных основаниях дарить плотскую радость себе и своему избраннику, а еще хорошо бы и ребеночка родить. Но поскольку внешне Лида обладала весьма скромной, боялась испортить свою приличную репутацию на работе, да и мужчин во время войны в городе поубавилось, встречи ее с потенциальными кандидатами в мужья случались редко и недолго.

Но вот война закончилась, и в городок потянулись люди. Возвращались свои кушвинские, приезжали пришлые устраиваться на работу, за лучшей долей целыми семьями ехали переселенцы из разрушенных на западе страны городов и деревень. К этому времени Лида окончательно прижилась в Кушве и привыкла к ней, знала почти всех и каждого, уютно ей тут было и спокойно, словно родилась здесь. Про свою первую любовь, Ивана Кузнецова, и погибшего мужа почти не вспоминала, жила сегодняшним днем, угрызениями совести не мучилась. Всё у неё было хорошо, если бы не сильное желание выйти замуж, и Лида отчаянно всматривалась в каждого встречного мужчину в надежде вопреки всему найти свою любовь.

И вот небеса разверзлись, и грянул гром. На пороге отдела кадров, где трудилась Лида, появился ОН. Высокий худощавый блондин с голубыми глазами и правильными чертами лица, с доброй открытой улыбкой, крупными сильными руками. Одет был в солдатскую форму, которая сидела на нем как влитая, в вычищенных до блеска сапогах. Взгляд одновременно озорной и внимательный, казалось, проникавший в самое нутро,

заставлявший девушек и молодых женщин млеть и отводить глаза. Пришел солдатик устраиваться на работу шахтером. Лида влюбилась в него, как только увидела, загорелась вся внутри, думать ни о ком больше не могла.

Все узнала про него Лида. Зовут Анатолий Леонтьевич Нилов, двадцать один год. Семья его в прошлом году переехала в Кушву то ли с Новгородской, то ли с Псковской области, где их деревня была уничтожена фашистами до тла. Как живы остались, сами не знают. Отец его, Леонтий Егорович, работал заготовщиком в сельхозкооперации. Мать, Елена Степановна, хворала часто, дома с младшими детьми и на хозяйстве была. Две сестры работали, а третья прожила в Кушве недолго, вернулась на родину, где вышла замуж. Держались переселенцы немного замкнуто, но это с новоселами, не привыкшими к местному укладу, часто бывало.

Неожиданно для всех Толя явно стал выделять уютную круглую Лиду; шутил, подмигивал, приглашал на танцах. Она постоянно старалась устраивать чайные и нечаянные встречи, попадаться ему на глаза, искала его взгляд. Одним словом, бегала за ним, как собачка. Толя относился к ней по-доброму, с симпатией, но как-то не совсем серьезно, что ли. Стали они встречаться, миловаться. Лида с ним не ломалась, недотрогу из себя не строила. В постели оказалась жаркой и ненасытной. Толе было хорошо прибежать к ней после смены и снять молодое мужское накопившееся напряжение. Лида как-то осторожно намекнула, что могли бы и жить вместе, но он ей честно ответил, что любви у него к ней нет. Молод, мол, еще, не нагулялся, свою единственную не встретил, да и мужики некоторые кое-что про нее рассказывали... Если обидел ее, если она на что-то серьезное с ним надеялась, просил простить его, предлагал расстаться. Но Лида сделала вид, что он неправильно ее понял, а про себя твердо решила сделать всё, чтобы женить Толю на себе.

Анатолий постепенно, как и предыдущие мужчины, начал охладевать к Лиде. Постель постелью, но вот любви так и не случилось. Он все больше стал относиться к ней как к другу. Она это понимала и молча принимала все происходящие в их отношениях изменения, только бы задержать его рядом с собой, только бы не отпустить совсем, согласна была на любую роль.

У Лиды было одно качество, которое нравилось Толе, - умение слушать. Делала она это мастерски, внимательно всматриваясь в глаза говорящего, не упуская линии повествования, проявляла искреннюю заинтересованность, кивала, охала, ахала, задавала вопросы. Сам Толя любил поговорить, рассуждал вслух, вспоминал, шутил, и в лице Лиды он нашел самого благодарного и преданного слушателя. Только ничего и никогда про войну не рассказывал. Лида даже несколько раз специально начинала его о ней расспрашивать, но Толя всячески уходил от разговора. Правда, Лида заметила, что далеко не всем фронтовикам нравилось про войну вспоминать, поэтому не стала больше возвращаться к этой теме. Но любопытство свое все же удовлетворила; приятельница из военкомата ей сказала, что согласно

личному делу Толя, будучи еще несовершеннолетним, оказался в партизанском отряде, потом воевал в рядах Красной Армии, войну закончил где-то в Европе, ранений и наград не имел. То, что ее любимый не был ни разу ранен и не заслужил наград, показалось Лиде странным, ведь был Толя парнем бравым и смелым, в драку лез, не раздумывая, с кулаками не раз отстаивал слабого или несправедливо обиженного, но на фронте ведь всякое могло быть...

Тем временем Толя стал заходить к Лиде совсем редко, да и то только когда позволял себе выпить. Лида обратила внимание, что после рюмки водки становился он еще более словоохотливым, чем обычно, и откровеннее. Как-то во время разговора, будучи в легком подпитии, он обронил, что после войны долго искал свою семью, которая была в концлагере в Германии. Лида никогда ранее об этом не слышала и очень удивилась. Потом она пыталась вернуться к этому разговору, но Анатолий помрачнел и жестко потребовал, чтобы она забыла эту историю и никогда никому ничего не говорила. И Лида поняла, что Толя что-то скрывает.

Но, видать, и самому Толе было тяжело носить в себе какую-то тайну, и однажды, выпив больше обычного, он начал рассказывать Лиде свою историю. В июле 1941 года деревня их оказалась в оккупации. Отец Анатолия, Леонтий Егорович, и сам Толя, которому в ту пору исполнилось пятнадцать, были приставлены немцами смотреть за лошадьми; староста пригрозил, если заартачатся, сразу всю семью расстреляют, вместе с маленькими детьми. А тем временем, поскольку дом их стоял у края деревни, стали наведываться к Ниловым партизаны. Семья помогала им, как могла, то продуктами, то информацией, как-то раз даже раненого прятали несколько дней. Командир отряда предлагал бумагу официальную оформить о том, что Ниловы оказывали всяческое содействие и помощь партизанскому формированию. Мало ли что потом, поди – докажи, что ты не враг, тем более отец семейства вроде как на фашистов работал. Но Толина мать, Елена Степановна, категорически отказалась, боялась, что если немцы при очередном обыске найдут такой документ, то всех убьют. А фашисты, видимо, действительно что-то подозревали, чуть не каждую неделю всю семью выводили на расстрел, пугали. Через год их всех угнали в концлагерь, сначала в пересылку в Литве, а потом повезли в Германию. И здесь, где-то по дороге в Польшу, Толя и еще несколько узников бежали. Судьба была милостива к ним, остались живы и даже не ранены. Они разбились на группы и решили пробиваться к своим. Толя шел еще с двумя товарищами, они долго прятались, скитались, передвигались ночами, пока не поняли, что заблудились. И тут им улыбнулась удача – они наткнулись на группу бежавших военнопленных разных национальностей, пробиравшихся в нейтральную Швейцарию. Решили объединиться и дальше идти вместе. Только до Швейцарии они не дошли, большинство были убиты, умерли от ран и истощения, а несколько человек выживших, среди которых был и Толя,

оказались в югославском Сопротивлении. Там Толя встретил победу. Только как на Родину возвращаться? За границей слухов много разных ходило, мол, не верили в СССР тем, кто прибыл с вражеских территорий, сразу же в лагеря отправляли. Да, к тому же и у самого Анатолия репутация была подмоченная работой на немцев. Но решение Толино было твердым: назад, домой, искать своих, если живы. Далеко не сразу удалось выправить нужные бумаги, потом последовали бесконечные проверки, ожидания. В сорок шестом оказался Толя наконец в родных краях, с неожиданной радостью выяснил, что семья вся чудом осталась жива и перебралась на Урал, бежала от репрессий; в оккупации на немцев работали, потом в Германии в трудовом лагере, значит, люди ненадежные, подозрительные. Дома старый семейный друг, занимавший большую должность, вовремя надоумил их уехать подальше, терять-то им нечего, изба Ниловых сгорела, да и от деревни ничего не осталось, а на новом месте, дай Бог, удастся начать новую жизнь. Беженцев и переселенцев без документов тогда было полно по всей стране, выправили, какие смогли бумаги и уехали. Тот же старый друг помог и Толе сделать новые документы в связи с якобы утерей старых, и вот уже демобилизованный по полной солдат Анатолий Леонтьевич Нилов с подкорректированной биографией едет через полстраны на воссоединение с семьей, чтобы начать новую мирную трудовую послевоенную жизнь. Сил и здоровья ему не занимать, документы его чисты, без работы сидеть не может, трудностей не боится. И вот он здесь, в Кушве, молодой шахтер, между прочим, один из лучших в забое. Усмехнулся: вроде, и не виноват ни в чем, а прошлое, получается, сомнительное... Рассказ Толин оказался долгим, закончил он его далеко за полночь, домой уже не пошел, остался ночевать у Лиды.

Лида всю ночь после Толиного рассказа не спит, думает. А думает она о том, что никогда и ни за что не пойдет доносить на своего любимого, был в ее жизни уже такой опыт. Но она скажет непременно Толе, что знает его тайну, что он сам ее поведал Лиде, потому что понимает, пусть и неосознанно, что она, Лида, - самый преданный и надежный для него человек. Раз он ей все рассказал, раз доверяет, значит, любит он ее по-настоящему, хотя сам об этом и не догадывается. Конечно, он молодой, младше Лиды, может, поэтому ее и стесняется. Да и не красавица Лида, эта она тоже понимает. Наверное, хочется Толе видеть рядом с собой яркую привлекательную девушку, чтобы все вокруг завидовали, чтобы похвастаться можно было. Но это все временное, ненастоящее. А вот она – Лида – и есть самая что ни на есть настоящая любовь, тихая, скромная, надежная, любящая, все понимающая, до конца жизни. Поэтому и быть ему надо с ней, жить вместе, семью создать, жениться. Так рассуждала Лида, думая, о чем будет говорить с Толей. А если он не будет соглашаться, то она намекнет ему, что может всю правду об Анатолии и его семье рассказать кому надо, пусть там разбираются, что они делали в оккупации и во вражеской стране.

(Для себя она, конечно, сказала, что ни в коем случае не собирается так делать!) Зато, если Толя будет с ней, он всегда сможет поговорить с ней о своем тайном прошлом, ведь надо же ему хоть кому-то выговариваться...

Утром Толя проснулся в плохом настроении, грустный. Много водки на него всегда так действовало, да к тому же, он помнил, что наговорил вчера Лиде лишнего. Не только себя подставил, всю семью. Хотя Лида вроде добрая и верная баба, но ведь обещали с батей, мамкой, сестрами и братишкой молчать, ни в коем случае никому не проговориться, что с их семьей в войну произошло, не для того на Урал за новой спокойной жизнью ехали. Лида о вчерашнем разговоре не вспоминала, была в хорошем настроении, шутила, говорила на отвлеченные темы.

Прошло три недели. За это время Толя к Лиде в гости ни разу не приходил, даже не встречался с ней. Молодой женщине подумалось, что он специально избегает ее. Наверное, переживает, что рассказал правду о себе и семье. Тогда она решила действовать – встретиться и поговорить. В один из рабочих дней после смены подкараулила его, когда он шел от проходной, и начала разговор. О том, что скучает по нему и любит его, а если он боится, что она кому-то расскажет о его прошлом, то это напрасно, она молчать умеет и тайну его не выдаст. Толя сначала с радостью воспринял встречу, но выслушав Лиду, помрачнел и ответил так, как она не ожидала. Он очень хорошо относится к Лиде и очень ей благодарен за все, что между ними было, но больше не хочет быть с ней. Получается, что он обманывает ее надежды, забирает время, может, она уже замуж вышла бы за другого человека, если бы не присутствие в ее жизни Толи. За то, что она расскажет правду про него, он не переживает, так как верит Лиде, доверяет ей полностью. Но лучше бы ей об этом забыть, чтобы самой случайно не проговориться и не пострадать за сокрытие такой информации.

Еще несколько раз Лида поджидала Толю у проходной и возвращалась к разговору. Объясняла про то, что он сам не понимает, что любит ее, что просто стесняется ее возраста и внешности. Но Толя каждый раз был непреклонен и отвечал, что не любит ее и не хочет, чтобы она думала, что он ей пользуется. Они словно на разных языках говорили. Толя все больше отстранялся от Лиды, иногда в его словах она слышала плохо скрытое раздражение.

Один из разговоров принял характер ссоры, Толя потерял терпение и наговорил грубостей, и тогда Лида впервые бросила ему, что если он не передумает, то она напишет на него донос. После этого Анатолий с ужасом понял, что его любовница была совсем не тем человеком, каким он ее себе представлял. А Лида в своих требованиях становилась все настойчивее и увереннее. Она приняла, что Толя ее не любит, но упускать свое счастье не хотела. Стерпится – слюбится, будем вместе, заласкаю его, залюблю, отойдет, успокоится, привыкнет. Главное – чтобы с ней!

А еще Лида поняла, что Толя боится ее угроз, и это убедило ее, что она находится на правильном пути, чтобы завладеть Анатолием, и тогда Лида все чаще стала намекать ему на то, что сдаст его. Но здесь она ошиблась, не учла Толиного упрямства, и чем навязчивее она требовала от любовника жениться на ней, тем сильнее он сопротивлялся. Характер, несмотря на доброту и внешнюю мягкость, Толя имел упёртый, и уж если что-то для себя решал, то переубедить его было невозможно. Так было с побегом по дороге в концлагерь, когда не прислушался ни к жестким доводам отца, ни к слезам любимой мамы, на которую внешне так был похож. Так было в Югославии, когда можно было остаться, жениться на приглянувшейся местной девушке Марии, работать у ее отца в хозяйстве и жить там припеваючи, но всем сердцем стремился домой, на Родину, по которой так скучал, тосковал, беспокоился о своих, поэтому аргументы товарищей по Сопротивлению и огромные грустные глаза Марии не остановили его. Так было и сейчас, когда Толя решил для себя, что никогда не будет мужем Лиды, даже если... Даже если пострадает он сам и его семья!

И вот настал час того самого, судьбоносного разговора между Лидой и Толей, который определил их дальнейшую судьбу. Да, собственно, разговора и не вышло, а получилась грубая и шумная ссора, настолько оба они были напряжены к этому моменту. Ругань, крики, обиды, обвинения, упреки... Спокойная уравновешенная Лида себя не узнавала, она и не думала, что способна так громко кричать и говорить такие страшные злые слова. А еще она почувствовала, что это состояние ей нравится, она почти наслаждается им, будто она первый раз в жизни стала сама собой, а до этого все время то ли сдерживалась, то ли притворялась. Явно эта новая роль ей больше подходила, в ней она умела постоять за себя, отстоять свои интересы, перестать быть пресловутой серой мышью. И на миг она увидела себя другой. Она явно старше и крупнее, с большой грудью и вторым подбородком, волосы забраны в кичку на голове, на губах яркая красная помада, одета в пиджачный костюм с юбкой из дорогого материала, шёлковую блузу, на шее, в ушах и на пальцах рук золотые украшения. Она стала начальником или отдела кадров, или бухгалтерии, не важно, люди от нее зависят, а потому уважают и боятся, льстят и заискивают. И эти на мгновение испытанные Лидой чувства превосходства и власти оказались куда сильнее и острее, чем любовь к Анатолию! И сколько таких анатолиев может у нее быть, если она станет большим человеком... А для этого надо сделать первый шаг – обличить предателя, под обаяние которого она попала, которого пригрела на своей груди! А если там, куда она сейчас собирается идти, ее упрекнут, что она долго не сообщала столь ценные сведения, то она скажет, что хотела вызнать у него еще какие-нибудь тайны и секреты...

Они посмотрели друг на друга в последний раз, Толя – с гневом, Лида – с превосходством, и разошлись... Анатолий понимал, куда направляется его бывшая любовница, а Лида не испытывала ни малейших колебаний, шагая

туда... в местный отдел МВД... дабы поведать о пособничестве фашистам и подделке документов.

Толю забрали ночью. Он только успел обо всем рассказать дома и покаяться перед родными. Обсудили и договорились, что и как говорить там, если... Тут и постучали. Вежливо, спокойно, неспеша провели обыск, позволили собрать вещи и увезли. Родителей, сестер и брата не тронули. Следствие длилось недолго. Потом показательный суд.

Судили Толю в городском суде. Народу на заседание собралось немало. Толю знали и любили. На работе в передовиках ходил. Честный был и обязательный. В помощи никогда не отказывал, да еще, бывало, и сам брался подсобить, если узнавал, что кому-то надо дрова переколоть, огород вскопать или отремонтировать что-то. Руки у него были золотые, а душа добрая. Если нрав свой крутой и показывал, то всегда за правду, несправедливости и подлости не терпел; люди это понимали и зла на него не держали.

Заседание проходило уже после обеда. Озвучили все необходимые формальности, зачитали материалы следствия, адвокат, прокурор, всё быстро, четко, как положено... Заминка только вышла, когда допрашивали единственного свидетеля. Лиду. Здесь, одна при всех, она почувствовала себя неуютно, поэтому показания давала путанно, неуверенно, с трудом воспринимая каждый заданный ей вопрос. Не с друзьями, сослуживцами и не со знакомыми она оказалась на одной стороне, а против них, зато вместе с властью. Только была та власть мрачная и бездушная. Во все время судебного заседания она ловила взгляд Толи, но он на нее так ни разу и не посмотрел, вообще глаза от пола не поднимал.

Когда Лида закончила давать свидетельские показания, зал еле слышно выдохнул, и вдруг воздух разрезал визг соседки Ниловых, пожилой бесцеремонной скандальной бабы, которую все знали как Кузьминичну. Голос она имела громкий, тонкий, противный, особенно когда начинала кричать. Никого и ничего не боялась, потому что была когда-то замужем за первым секретарем местного горкома партии, а когда тот ушел на повышение – сначала в Нижний Тагил, а затем и в Свердловск, – то вместо жены увез с собой секретаршу, от которой прижил двоих детей, и тем самым опозорил законную супругу на веки вечные. С Кузьминичной разводиться он по каким-то своим причинам не стал, так баба получила своеобразный статус неприкосновенности и пользовалась им на всю катушку, ругая на чем свет своего благоверного, власть, одиноких баб и всех, кого невзлюбила. К новым соседям своим Ниловым отнеслась сначала с неприятием, но потом, убедившись, что глава семейства Леонтий Егорыч работающий и строгий, жена его Елена Степановна скромная и доброжелательная, дети воспитаны в уважении и почтении к старшим, сменила гнев на милость. Особенно полюбился ей Толя, который часто над Кузьминичной подшучивал, чего уже давно из страха быть обруганным никто не осмеливался делать. А еще много по хозяйству помогал грузной пожилой бабе и никогда ничего не просил за

свою работу, даже отказывался иногда, когда Кузьминична сама зазывала его выпить стопочку самогоночки в благодарность за труды.

Так вот, эта самая Кузьминична визжала так, что стекла в окнах звенели, а звук прорывался на улицу, визжала и выкрикивала на весь зал судебного заседания то, что думал каждый из присутствующих в зале, но не осмеливался сказать вслух. Суки, сволочи, твари, скоты последние! Попробовали бы вы такое пройти! У фашистов проклятых стоять под прицелом! В концлагере гнить! За освобождение Европы воевать! А вы его за это под статью?! А ты, бл..ь Лидка, прошмандовка, подстилка, да на тебе клеймо негде ставить! Весь город знает, как мужиков к себе водила, да приличной при этом притворялась! Кому ты такая нужна? Еще на Толика позарилась! Да ты ему в подметки не годишься! Ты ноги ему целовать должна, что осчастливил тебя! Кидая в лицо Лиде эти слова, Кузьминична выплевывала тем самым все свои обиды по отношению к укравшей ее мужа секретарше, выбрызгивала слюной свою ненависть ко всем бабам, поведение которых хоть как-то отличалось от норм морали и приличий, установленных Кузьминичной для скромных и честных женщин. Что ты, сука, наделала! Предала! Предала! Будь ты проклята!

Присутствующий народ все больше волновался, бросая на Лиду осуждающие взгляды, а некоторые осмеливались даже тихо поддакивать Кузьминичне, и судья, сделав ей формальное замечание, быстро попросил вывести разбушевавшуюся бабу из зала суда. Но шум от ее криков долго еще слышался с улицы, пришлось объявить перерыв и дожидаться, пока Кузьминична изволит удалиться по направлению к своему дому, на весь город проклиная Лиду, превознося Толю и осуждая несправедливость.

Когда Лида уже закончила давать свидетельские показания, она с разрешения судьи села на скамейку вместе с другими присутствующими. На перерыв не выходила, после криков и обвинений Кузьминичны Лиде не хотелось ни с кем общаться, поэтому она осталась там, где сидела. А после перерыва обнаружила, что осталась на своей скамье в полном одиночестве, хотя людям пришлось потесниться теперь, чтобы всем поместиться.

Толю по-быстрому допросили. Оттарабанил положенные слова адвокат, не задерживаясь, выступил прокурор. Вину свою обвиняемый признал полностью. После этого судья, явно торопясь, зачитал заранее подготовленный обвинительный приговор. Нилов Анатолий Леонтьевич, 1926 года рождения, русский, из крестьян, беспартийный, признан виновным по ст. 58 части 1а Уголовного Кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической республики в измене Родине, т.е. в действиях, совершенных гражданином СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то переход на сторону врага и бегство за границу, и с учетом смягчающих обстоятельств приговорен к лишению свободы на срок 10 лет.

Кто-то в зале неосторожно выдохнул, что слава Богу, не расстрел...Толю увели.

Суд закончился. Переговариваясь, ушли адвокат с прокурором. За ними чинно удалился судья, обсуждая с судебными заседателями предстоящие к рассмотрению дела. Секретарь собрала документы и бумаги и торопливо убежала куда-то. Присутствовавшие на суде люди потихонечку расходились. Уже свечерело. На улице было темно, холодно, дул промозглый ветер, который принес дождь, срывающийся в снег.

Лида осталась одна. У нее не было сил идти вместе со всеми. Не было ощущения победы и торжества, только дикая усталость и разбитость. И полнейшая пустота внутри. Она чувствовала себя никем. Не осознавая, что делает, она встала, натянула пальто, закуталась в платок и вышла на улицу. Медленно брела Лида, не понимая, куда и зачем идет, не в силах о чем-то думать и воспринимать происходящее вокруг. Через некоторое время она очнулась, потому что промерзла насквозь, и поняла, что вместо того, чтобы идти домой, пошла в сторону заводоуправления у рудника. Развернулась и решила сократить дорогу, пройдя через старую железнодорожную ветку. Через несколько минут она с удивлением обратила внимание на то, что на скале, на которой был установлен памятник вогулу Степану Чумпину, горит свет. Знала Лида, что памятник этот установили давно, сто лет назад, вроде. Виден он был только днем или в ясную лунную ночь, поскольку освещение к нему не было подведено. Памятник представлял из себя большую черную чугунную тумбу, на вершине которой горел чугунный же язычок пламени, как напоминание о страшной смерти вогула. И вот сейчас Лида отчетливо видела на вершине скалы яркий свет, на фоне которого трепетало чугунное пламя. Лида замерла, не находя объяснения тому, что происходит, и вдруг услышала гудок маневрового паровоза, который быстро приближался к ней. Лида засуетилась, шагнула по шпалам, оступилась, и нога ее попала между рельсами стрелочного перевода. Женщина упала, ударилась головой и потеряла сознание.

Потом Лида стала большой черной птицей. Сначала она долго кружила над безбрежным темным лесом, то сопротивляясь, то поддаваясь порывам студеного ветра, не понимая, в каком направлении лететь. Она видела далеко внизу редкие огни ночного городка, но они вовсе не манили ее к себе, а наоборот словно бы отталкивали своим холодным тусклым светом. Почувствовав усталость в крыльях, Лида-птица опустилась ниже, чтобы найти место, где смогла бы передохнуть. Внизу она заметила блеск возвышавшегося над вершинами деревьев голого каменного выступа и устремила к нему. Расправив крылья, черная птица опустилась на манивший ее к себе камень, а когда приземлилась, то узнала в нем Чумпину скалу. Там увидела она маленького худого темноволосого мужичка средних лет, одетого в странную меховую одежду и со старинным ружьем за плечами. Он пристально посмотрел на нее узкими уставшими глазами, а потом

удивленно спросил сам себя на незнакомом языке, который, однако, по необъяснимой причине был понятен Лиде: «Откуда здесь воронье?» От этих слов Лиду-птицу словно бы сбросило со скалы порывом шквалистого ветра, и она закружилась над спящей Кушвой, поднимаясь все выше и выше.